

Маргарет Митчелл

—

**Унесенные
ветром**

Том 1

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М67

Margaret Mitchell
GONE WITH THE WIND

Перевод с английского *Т. Озерской*

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Митчелл, Маргарет.

М67 Унесенные ветром. Том 1 / Маргарет Митчелл ; [перевод с английского Т. Озерской]. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-108895-8

Что важнее — любовь к мужчине или любовь к жизни? Какая сила заставляет нас бороться и идти дальше, даже когда кажется, что все потеряно? Скарлетт научит вас, как можно наслаждаться жизнью. А проблемы? О них мы подумаем завтра.

«Унесенные ветром» — одна из тех книг, к которым возвращаешься спустя годы и снова испытываешь трепет от встречи...

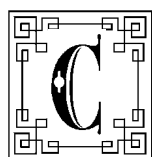
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-108895-8

© Т. Озерская, перевод на русский язык.
Наследники, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Глава I

карлетт О'Хара не была красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, становились жертвами ее чар. Очень уж причудливо сочетались в ее лице утонченные черты матери — местной аристократки французского происхождения — и крупные, выразительные черты отца — пышущего здоровьем ирландца. Широкоскулое, с точеным подбородком лицо Скарлетт невольно приковывало к себе взгляд. Особенно глаза — чуть раскосые, светло-зеленые, прозрачные, в оправе темных ресниц. На белом, как лепесток магнолии, лбу — ах, эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя ее шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии! — две безукоризненно четкие линии бровей стремительно взлетали косо вверх — от переносицы к вискам.

Словом, она являла взору очаровательное зрелище, сидя в обществе Стюарта и Брента Тарлтонов в прохладной тени за колоннами просторного крыльца Тары — обширного поместья своего отца. Шел 1861 год, ясный апрельский день клонился к вечеру. Новое зеленое в цветочек платье Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов муслина, воздушными волнами лежало на обручах кринолина, находясь в полной гармонии с зелеными сафьяновыми туфельками без каблуков, только что привезенными ей отцом из Атланты. Лиф платья как нельзя более выгодно обтягивал безупречную талию, бесспорно самую тонкую в трех графствах штата, и отлично сформировавшийся для шестнадцати лет бюст. Но ни чинно расправленные юбки,

ни скромность прически — стянутых тугим узлом и запря-
танных под сетку волос, — ни степенно сложенные на ко-
ленях маленькие белые ручки не могли ввести в обман: зе-
леные глаза — беспокойные, яркие (о, сколько в них было
своенравия и огня!) — вступали в спор с учтивой светской
сдержанностью манер, выдавая подлинную сущность этой
натуры. Манеры были результатом нежных наставлений
матери и более суровых нахлобучек Мамушки. Глаза дала
ей природа.

По обе стороны от нее, небрежно развалившись в крес-
лах, вытянув скрещенные в лодыжках, длинные, в сапогах
до колен, мускулистые ноги первоклассных наездников,
близнецы смеялись и болтали, солнце било им в лицо
сквозь высокие, украшенные лепным орнаментом стекла,
заставляя жмуриться. Высокие, крепкотелые и узкобед-
рые, загорелые, рыжеволосые, девятнадцатилетние, в оди-
наковых синих куртках и горчичного цвета бриджах, они
были неотличимы друг от друга, как две коробочки хлопка.

На зеленом фоне молодой листвы белоснежные кроны
цветущих кизиловых деревьев мерцали в косых лучах за-
катного солнца. Лошади близнецов, крупные животные,
золотисто-гнедые, под стать шевелюрам своих хозяев, сто-
яли у коновязи на подъездной аллее, а у ног лошадей пере-
ругивалась свора поджарых нервных гончих, неизменно
сопровождавших Стюарта и Брента во всех их поездках.
В некотором отдалении, как оно и подобает аристократу,
возлежал, опустив морду на лапы, пятнистый далматский
дог и терпеливо ждал, когда молодые люди отправятся до-
мой ужинать.

Близнецы, лошади и гончие были не просто неразлуч-
ными товарищами — их роднили более крепкие узы. Мо-
лодые, здоровые, ловкие и грациозные, они были под
стать друг другу — одинаково жизнерадостны и беззабот-
ны, и юноши не менее горячи, чем их лошади, — горячи, а
подчас и опасны, — но при всем том кротки и послушны в
руках тех, кто знал, как ими управлять.

И хотя все трое, сидевшие на крыльце, были рождены
для привольной жизни плантаторов и с пеленок воспиты-
вались в довольстве и холе, окруженные сонмом слуг, лица
их не казались ни безвольными, ни изнеженными. В этих

мальчишках чувствовалась сила и решительность сельских жителей, привыкших проводить жизнь под открытым небом, не особенно обременяя свои мозги скучными книжными премудростями. Графство Клейтон в Северной Джорджии было еще молодо, и жизнь там, на взгляд жителей Чарльстона, Саванны и Огасты, пока что не утратила некоторого налета грубости. Более старые и степенные обитатели Юга смотрели сверху вниз на новопоселенцев, но здесь, на севере Джорджии, небольшой пробел по части тонкостей классического образования не ставился никому в вину, если это искупалось хорошей сноровкой в том, что имело подлинную цену. А цену имело умение вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю.

Все эти качества были в большой мере присущи близнецам, которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг. Их родителям принадлежало больше денег, больше лошадей, больше рабов, чем любому другому семейству графства, но по части грамматики близнецы уступали большинству своих небогатых соседей — «голодранцев», как называли белых бедняков на Юге.

Как раз по этой причине Стюарт и Brent и бездельничали в эти апрельские послеполуденные часы на крыльце Тары. Их только что исключили из университета Джорджии — четвертого за последние два года университета, указавшего им на дверь, и их старшие братья, Том и Бойд, возвратились домой вместе с ними, не пожелав оставаться в стенах учебного заведения, где младшие пришлось не ко двору. Стюарт и Brent рассматривали свое последнее исключение из университета как весьма забавную шутку, и Скарлетт, ни разу за весь год — после окончания средней школы, Фейетвиллского пансиона для молодых девиц, — не взявшая по своей воле в руки книги, тоже находила это довольно забавным.

— Вам-то, я знаю, ни жарко ни холодно, что вас исключили, да и Тому тоже, — сказала она. — А вот как же Бойд? Ему как будто ужасно хочется стать образованным, а вы вытащили его и из Виргинского, и из Алабамского, и

из Южно-Каролинского университетов, а теперь еще и из университета Джорджии. Если и дальше так пойдет, ему никогда не удастся ничего закончить.

— Ну, он прекрасно может изучить право в конторе судьи Пармали в Фейетвилле, — беспечно отвечал Brent. — К тому же наше исключение ничего, в сущности, не меняет. Нам все равно пришлось бы возвратиться домой еще до конца семестра.

— Почему?

— Так ведь война, глупышка! Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют, как ты полагаешь?

— Вы оба прекрасно знаете, что никакой войны не будет, — досадливо отмахнулась Скарлетт. — Все это одни разговоры. Эшли Уилкс и его отец только на прошлой неделе говорили папе, что наши представители в Вашингтоне придут к этому самому... к обоюдодоприемлемому соглашению с мистером Линкольном по поводу Конфедерации. Да и вообще янки слишком боятся нас, чтобы решиться с нами воевать. Не будет никакой войны, и мне надоело про нее слушать.

— Как это не будет войны! — возмущенно воскликнули близнецы, словно открыв бессовестный обман.

— Да нет же, прелесть моя, война будет непременно, — сказал Стюарт. — Конечно, янки боятся нас, но после того, как генерал Борегард выбил их позавчера из форта Самтер, им ничего не остается, как сражаться, ведь иначе их ославят трусами на весь свет. Ну, а Конфедерация...

Но Скарлетт нетерпеливо прервала его, сделав скучающую гримасу:

— Если кто-нибудь из вас еще раз произнесет слово «война», я уйду в дом и захлопну дверь перед вашим носом. Это слово нагоняет на меня тоску... да и еще вот — «отделение от Союза». Папа говорит о войне с утра до ночи, и все, кто бы к нему ни пришел, только и делают, что вопят: «Форт Самтер, права Штатов, Эйби Линкольн!», и я прямо-таки готова визжать от скуки! Ну, и мальчики тоже ни о чем больше не говорят, да еще о своих драгоценных эскадронах. Этой весной на всех вечерах царила такая тоска, потому что мальчики разучились говорить о чем-либо

другом. Я очень рада, что Джорджия не вздумала отделяться до Святков, иначе у нас были бы испорчены все рождественские балы. Если я еще раз услышу про войну, я уйду в дом.

И можно было не сомневаться, что она сдержит слово. Ибо Скарлетт не выносила разговоров, главной темой которых не являлась она сама. Однако плутовка произнесла свои угрозы с улыбкой, — памятуя о том, что от этого у нее заиграют ямочки на щеках, — и, словно бабочка крылышками, взмахнула длинными темными ресницами. Мальчики были очарованы — а только этого она и стремилась достичь — и поспешили принести извинения. Отсутствие интереса к военным делам ничуть не уронило ее в их глазах. По правде говоря, даже наоборот. Война — занятие мужское, а отнюдь не дамское, и в поведении Скарлетт они усмотрели одно лишь свидетельство ее безупречной женственности.

Уведя собеседников в сторону от надоевшей темы войны, Скарлетт с увлечением вернулась к их личным делам:

— А что сказала ваша мама, узнав, что вас обоих снова исключили из университета?

Юноши смутились, припомнив, как встретила их мать три месяца назад, когда они, изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой.

— Да, видишь ли, — сказал Стюарт, — она пока еще не имела возможности ничего сказать. Мы вместе с Томом уехали сегодня из дома рано утром, пока она не встала, и Том засел у Фонтейнов, а мы поскакали сюда.

— А вчера вечером, когда вы явились домой, она тоже ничего не сказала?

— Вчера вечером нам повезло. Как раз перед нашим приездом привели нового жеребца, которого ма купила в прошлом месяце на ярмарке в Кентукки, и дома все было вверх дном. Ах, Скарлетт, какая это великолепная лошадь, ты скажи отцу, чтобы он приехал поглядеть! Это животное еще по дороге едва не вышибло дух из конюха и чуть не насмерть затоптало двух маминых чернокожих, встречавших поезд на станции в Джонсборо. А как раз когда мы приехали, жеребец только что разнес в щепы стойло, едва не убил мамину любимую лошадь Земляничку, и ма стояла в конюшне с целым мешком сахара в руках — пыталась его улесить, и, надо сказать, не без успеха. Чернокожие повисли

от страха на стропилах и тарасили на ма глаза, а она разговаривала с жеребцом, прямо как с человеком, и он брал сахар у нее из рук. Никто не умеет так обращаться с лошадьми, как ма. Тут она увидела нас и говорит: «Боже милостивый, что это вас опять принесло домой? Это же не дети, а чума египетская!» Но в эту минуту жеребец начал фыркать и лягаться, и ма сказала: «Пошли вон отсюда! Не видите, что ли, — он же нервничает, мой голубок! А с вами я утром потолкую!» Ну, мы легли спать и поутру ускакали пораньше, пока она в нас не вцепилась, а Бойд остался ее умамливать.

— Как вы думаете, она вздует Бойда? — Скарлетт, как и все жители графства, просто не могла освоиться с мыслью, что «крошка» миссис Тарлтон держит в ежовых рукавицах своих великовозрастных сыновей, а по мере надобности и проахаживается по их спинам хлыстом.

Беатриса Тарлтон была женщина деловая и несла на своих плечах не только заботу о большой хлопковой плантации, сотне негров-рабов и восьми своих отпрысках, но вдобавок еще и управляла самым крупным конным заводом во всем штате. Нрав у нее был горячий, и она легко впадала в ярость от бесчисленных проделок своих четырех сыновей, и если телесные наказания для лошадей или для негров находились в ее владениях под строжайшим запретом, то мальчишкам порка время от времени не могла, по ее мнению, принести вреда.

— Нет, конечно, Бойда она не тронет. С Бойдом ма не особенно крепко расправляется, потому как он самый старший, а ростом не вышел, — сказал Стюарт не без тайной гордости за свои шесть футов два дюйма. — Мы потому и оставили его дома объясниться с ней. Да, черт побери. Пора бы уж ма перестать задавать нам трепку! Нам же по девятнадцати, а Тому двадцать один, а она обращается с нами, как с шестилетними.

— Ваша мама поедет завтра на барбекю¹ к Уилксам на этой новой лошади?

¹ Пикник или прием на открытом воздухе, во время которого гостей угощают жареным на вертеле мясом, причем туша — бычья, баранья, свиная — жарится целиком, и это кушанье носит то же название. (Здесь и далее прим. переводчика.)

— Она поехала бы, да папа сказал, что это опасно, лошадей слишком горяча. Ну и девчонки ей не дадут. Они заявили, что она должна хотя бы раз приехать в гости, как приличествует даме — в экипаже.

— Лишь бы завтра не было дождя, — сказала Скарлетт. — Уже целую неделю почти ни одного дня без дождя. Ничего нет хуже, как испорченное барбекю, когда все переносится в дом и превращается в пикник в четырех стенах.

— Не беспокойся, завтра будет погожий день и жарко, как в июне, — сказал Стюарт. — Погляди, какой закат — я никогда еще, по-моему, не видал такого красного солнца! Погоду всегда можно предсказать по закату.

Все поглядели туда, где на горизонте над только что вспаханymi безбрежными хлопковыми полями Джералда О'Хара пламенел закат. Огненно-красное солнце опускалось за высокий холмистый берег реки Флинт, и на смену апрельскому теплу со двора уже потянуло душистой прохладой.

Весна рано пришла в этом году — с частыми теплыми дождями и стремительно вскипающей бело-розовой пеной в кронах кизиловых и персиковых деревьев, осыпавших темные заболоченные поймы рек и склоны далеких холмов бледными звездочками своих цветов. Пахота уже подходила к концу, и багряные закаты окрашивали свежие борозды красной джорджианской глины еще более густым багретом. Влажные, вывороченные пласты земли, малиновые на подсыхающих гребнях борозд, лиловато-пунцовые и бурые в густой тени, лежали, алкая хлопковых зерен посева. Выбеленный известкой кирпичный усадебный дом казался островком среди потревоженного моря вспаханной земли, среди красных, вздыбившихся, серповидных волн, словно бы окаменевших в момент прибой. Здесь нельзя было увидеть длинных прямых борозд, подобных тем, что радуют глаз на желтых глинистых плантациях плоских пространств Центральной Джорджии или на сочном черноземе прибрежных земель. Холмистые предгорья Северной Джорджии вспахивались зигзагообразно, образуя бесконечные спирали, дабы не дать тяжелой почве сползти на дно реки.

Это была девственная красная земля — кроваво-алая после дождя, кирпично-пыльная в засуху, — лучшая в мире для выращивания хлопка. Это был приятный для глаз край белых особняков, мирных пашен и неторопливых, мутно-желтых рек... И это был край резких контрастов — яркого солнца и глубоких теней. Расчищенные под пашню земли плантаций и тянувшиеся милою за милей хлопковые поля безмятежно покоились, прогретые солнцем, окаймленные нетронутым лесом, темным и прохладным даже в знойный полдень, — сумрачным, таинственным, чуть зловещим, наполненным терпеливым, вековым шорохом в верхушках сосен, похожим на вздох или на угрозу: «Берегись! Берегись! Ты уже зарастало однажды, поле. Мы можем завладеть тобою снова!»

До слуха сидевших на крыльце донесся стук копыт, побрякивание упряжи, смех и переключка резких негритянских голосов — работники и мулы возвращались с поля. Из дома долетел нежный голос Эллин О'Хара, матери Скарлетт, подзывавшей девчонку-негритянку, носившую за ней корзиночку с ключами.

— Да, мэм, — прозвучал в ответ тоненький детский голосок, и с черного хода донесся шум шагов, удалявшихся в сторону коптильни, где Эллин ежевечерне по окончании полевых работ раздавала пищу неграм. Затем стал слышен звон посуды и столового серебра: Порк, соединявший в своем лице и лакея и дворецкого усадьбы, начал накрывать на стол к ужину.

Звуки эти напомнили близнецам, что им пора возвращаться домой. Но мысль о встрече с матерью страшила их, и они медлили на крыльце, смутно надеясь, что Скарлетт пригласит их поужинать.

— Послушай, Скарлетт, а как насчет завтрашнего вечера? — сказал Брент. — Мы тоже хотим потанцевать с тобой — ведь мы не виноваты, что ничего не знали ни про барбекю, ни про бал. Надеюсь, ты еще не все танцы расписала?

— Разумеется, все! А откуда мне было знать, что вы прискачете домой? Не могла же я беречь танцы для вас, а потом остаться с носом и подпирать стенку!

— Это ты-то? — Близнецы оглушительно расхохотались.

— Вот что, малютка, ты должна отдать мне первый вальс, а Стю — последний и за ужином сесть с нами. Мы разместимся на лестничной площадке, как на прошлом балу, и позовем Джинси, чтобы она опять нам погадала.

— Мне не нравится, как она гадает. Вы же слышали — она предсказала, что я выйду замуж за жгучего брюнета с черными усами, а я не люблю брюнетов.

— Ты любишь рыжеволосых, верно, малютка? — ухмыльнулся Brent. — В таком случае пообещай нам все вальсы и ужин.

— Если пообещаешь, мы откроем тебе один секрет, — сказал Стюарт.

— Вот как? — воскликнула Скарлетт, мгновенно, как дитя, загоревшись любопытством.

— Это ты про то, что мы слышали вчера в Атланте, Стю? Но ты помнишь — мы дали слово молчать.

— Ладно уж. В общем, мисс Питти сказала нам кое-что.

— Мисс — кто?

— Да эта, ты ее знаешь, кузина Эшли Уилкса, которая живет в Атланте, — мисс Питтипэт Гамильтон, тетка Чарльза и Мелани Гамильтонов.

— Конечно, знаю и могу сказать, что более глупой старухи я еще отродясь не встречала.

— Так вот, когда мы вчера в Атланте дожидались своего поезда, она проезжала в коляске мимо вокзала, остановилась поболтать с нами и сказала, что завтра у Уилксов на балу будет оглашена помолвка.

— Ну, это для меня не новость, — разочарованно протянула Скарлетт. — Этот дурачок, Чарли Гамильтон, ее племянник, обручится с Милочкой Уилкс. Всем уже давным-давно известно, что они должны пожениться, хотя он, мне кажется, не очень-то к этому рвется.

— Ты считаешь его дурачком? — спросил Brent. — Однако на Святках ты позволяла ему вовсю увиваться за тобой.

— А как я могла ему запретить? — Скарлетт небрежно пожала плечами. — Все равно, по-моему, он ужасная размазня.

— И к тому же это вовсе не его помолвка будет завтра

объявлена, а Эшли с мисс Мелани, сестрой Чарльза! — торжественно выпалил Стюарт.

Скарлетт не изменилась в лице, и только губы у нее слегка побелели. Так бывает, когда удар обрушивается внезапно и человек не успевает охватить сознанием то, что произошло. Столь неподвижно было ее лицо, когда она, не проронив ни слова, смотрела на Стюарта, что он, не будучи от природы слишком наблюдателен, решил: это известие, как видно, здорово удивило и заинтриговало ее.

— Мисс Питти сказала нам, что они собирались огласить помолвку только в будущем году, потому как мисс Мелани не особенно крепка здоровьем, но сейчас только и разговора что о войне, и вот оба семейства решили поторопиться со свадьбой. Помолвка будет оглашена завтра за ужином. Видишь, Скарлетт, мы открыли тебе секрет, и ты теперь должна пообещать, что сядешь ужинать с нами.

— Ну конечно, с вами, — машинально пробормотала Скарлетт.

— И обещаешь отдать нам все вальсы?

— Обещаю.

— Ну, ты — прелесть. Воображаю, как все мальчишки взбесятся!

— А пускай себе бесятся, — сказал Брент. — Мы вдвоем легко с ними управимся. Послушай, Скарлетт, посиди с нами и утром, на барбекю.

— Что ты сказал?

Стюарт повторил свою просьбу.

— Ладно.

Близнецы переглянулись — торжественно, но не без удивления. Для них было непривычно столь легко добиваться знаков расположения этой девушки, хотя они и считали, что она отдает им некоторое предпочтение перед другими. Обычно Скарлетт все же заставляла их упрашивать ее и умолять, водила их за нос, не говоря ни «да», ни «нет», высмеивала их, если они начинали дуться, и напускала на себя ледяную холодность, если они пробовали рассердиться. А сейчас она, в сущности, пообещала провести с ними весь завтрашний день — сидеть рядом на барбекю, танцевать с ними все вальсы (а уж они позаботятся, чтобы

вальс вытеснил все другие танцы!) и ужинать вместе. Ради этого стоило даже вылететь из университета!

Окрыленные своим неожиданным успехом, близнецы не спешили откланяться и продолжали болтать о предстоящем барбекю, о бале, о Мелани Гамильтон и Эшли Уилксе, отпуская шутки, хохоча, перебивая друг друга и довольно прозрачно намекая, что приближается время ужина. Молчание Скарлетт не сразу дошло до их сознания, а она за все это время не проронила почти ни слова. Наконец и они ощутили какую-то перемену. Сияющий вечер словно бы потускнел — только близнецы не могли бы сказать, отчего это произошло. Скарлетт, казалось, совсем их не слушала, хотя ни разу не ответила невпопад. Чувствуя, что происходит нечто непонятное, сбитые с толку, раздосадованные, они пытались еще некоторое время поддерживать разговор, потом поглядели на часы и нехотя поднялись.

Солнце стояло уже совсем низко над свежеспаханным полем, и за рекой черной зубчатой стеной воздвигся высокий лес. Ласточки, выпорхнув из застрех, стрелой пронеслись над двором, а куры, утки и индюки, одни — важно вышагивая, другие — переваливаясь с боку на бок, потянулись домой с поля.

Стюарт громко крикнул: «Джимс!»

И почти тотчас высокий негр, примерно одного с близнецами возраста, запыхавшись, выбежал из-за угла дома и бросился к коновязи. Джимс был их личным слугой и вместе с собаками сопровождал их повсюду. Он был неразлучным товарищем их детских игр, а когда им исполнилось десять лет, они получили его в собственность в виде подарка ко дню рождения. Завидя Джимса, гончие поднялись, отряхивая красную пыль, и замерли в ожидании хозяев. Юноши распрощались, пообещав Скарлетт приехать завтра к Уилксам пораньше и ждать ее там. Затем сбежали с крыльца, вскочили в седла и, сопровождаемые Джимсом, пустили лошадей в галоп по кедровой аллее, что-то крича на прощанье и размахивая шляпами.

За поворотом аллеи, скрывшим из глаз дом, Brent остановил лошадь в тени кизилковых деревьев. Следом за ним остановился и Стюарт. Мальчишка-негр остановился в некотором отдалении. Лошади, почувствовав ослабевшие